

- ¹⁹ Сунрун А.Е. Белорусская этимология и межславянские лексические соответствия // ZfSl Bd. 24, Н. 1, 1979, 139.
- ²⁰ Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977, 140–161.
- ²⁰ Стржигович П. Из лексике Васојевића // СДзб XXXVI. Београд, 1990, 157.
- ²¹ Тешић М. Говор Љештанског // СДзб XXII. Београд, 1977, 288.
- ²² Петлева И.П. К вопросу о словах с усилительным (-)to, (-)ta, (-)tu в славянских языках // Этимология 1978. М., 1980, 65–69; Она же. О важности учета в этимологии лингвистически редких явлений формального характера // Этимология 1984. М., 1986. 198–201.
- ²³ Snoj M. Sledi praslovanskega predloga *sъ 'podoben, enak, približen' v slovenščini // SR XXXVII, 1–3, 1989.

Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков).

Под редакцией Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994, 842 с.

Выход в свет этого словаря – несомненно, значительное событие в славистике. Впервые широким кругам специалистов и любителей древней письменности стало доступно компактное справочное пособие, полно и всесторонне представляющее старославянский лексикон в объеме его "классических" письменных источников.

Старославянская лексикография имеет давнюю историю, в которой наиболее крупными достижениями являются словари Ф. Миклошича (Miklosich), А.Х. Востокова (Востоков), И.И. Срезневского (Срезневский), Л. Садник и Р. Айцетмюллера (Sadnik-Ajzetz-müller) и Slovník jazyka staroslovenského Чешской Академии наук (Slovník jaz. stsl.). Из них только в Sadnik-Ajzetz-müller собрана собственно старославянская лексика (хотя выбор источников не вполне бесспорен), в остальных случаях она представлена неполно и неточно и рассеяна в материале более поздних рукописей. Даже в Slovník'e jazyka staroslovenského, несмотря на его название, реальное лексическое наполнение выходит за пределы старославянских рукописей, так как этот монументальный компендиум, во многих отношениях явившийся предшественником рецензируемого словаря, включает лексику не только старославянской эпохи, но и церковнославянских рукописей XII–XVII вв., относящихся к широкому славянскому региону.

"Старославянский словарь" создан совместно сотрудниками Славянского института Академии наук Чешской республики и Института славяноведения и балканистики Российской Академии наук на основе пражской картотеки старославянских и церковнославянских рукописей с учетом индексов к отдельным памятникам, а также сравнительно недавно обнаруженных и потому не вошедших в Slovník jaz. stsl. текстов. Материал выбран по 18 "классическим" старославянским рукописям X–XI вв., из которых двенадцать написаны глаголицей (Киевские листки, евангелия Зографское, Маринское, Ассеманиево, Охридские листки, Зографский и Боянский палимпсесты, Синайская псалтырь, Синайский ехологий, Синайский служебник, Клоцов сборник, Рыльские листки) и шесть – кириллицей (Саввина книга, Листки Ундольского, Енинский апостол, Супрасльская рукопись, Хиладарские листки, Зографские листки). Таким образом "Старославянский словарь" корректен в отношении источниковой базы¹, что позволяет представить в определенном единстве словоупотребление славянских памятников.

Своим названием "Старославянский словарь" указывает скорее на эпоху, чем на лингвистические параметры материала, поэтому он оказывается вне дискуссий, связанных с различным пониманием границ и объема лексики старославянского языка и разным представлением о составе его источников².

Издание оснащено прекрасным научным аппаратом, который дает читателю представление не только о лексической, но и о многих сторонах старославянской проблематики. В подробном Предисловии содержится очерк истории изучения старославянского

языка, приводится характеристика предшествующих словарей и объясняются основные позиции "Старославянского словаря". Раздел "Описание старославянских рукописей" представляет сведения обо всех источниках словаря, включая важнейшую библиографию.

Словарь отличается высоким уровнем грамматического анализа словоформ, определения и лексикографической подачи начальных форм. К сожалению, словарный жанр не позволяет аргументировать те или иные решения, и потому неясным остается, например, почему авторы отождествляют встретившееся в Зогр. слово *галина* (*вълѣзъше въ галинѣ. ѿдѣхаж на онъ полѣ морѣ* Зогр., л. 240) со словом *алѣднн*, предполагая, видимо, в нем ошибку и отказываясь от предложенного в Sadnik-Ajzetz Müller (28, 235) и поддержанного в Slovník'e jaz. stsl. (8, 390) как будто очевидного понимания его как названия разновидности судна (*галея*, из греч. γαλέα – Фасмер I, 386).

В разделах "Фонетико-фонологическая и правописно-графическая характеристика старославянских рукописей", "Нормализация написания заглавного слова основной словарной статьи" и приложенных к словарю подробных морфологических таблицах фактически подведен итог изучения грамматического строя старославянского языка и его лексикографического представления.

Из редких случаев спорных грамматических решений можно отметить:

1. Для реконструкции по форме тв. мн. *радоцями* начальной формы ед.ч. *радоца*, -а ж³, видимо, нет оснований – по крайней мере для старославянского периода. В письменных памятниках подобные отвлеченные слова на -оци встречаются исключительно в форме множественного числа, причем представлены только наречным употреблением в тв. падеже, ср. *жалощами*, *лѣнощами*, *пакощами*, *радоцями* (Срезневский I, 845; 2, 73; 866; 3, 14), *скупоцями* (Житие Андрея Юродивого). По-видимому, эта словообразовательная модель соотносилась непосредственно с существительными на -ость. Во всяком случае в украинских диалектах и литературном украинском языке, где она получила распространение и где образования на -оци составляют довольно многочисленную категорию pluralia tantum (*радоци, жалоци, линоци, лобоци, пахоци, нестоци, скупоци, хитроци* и т.п.)⁴, нет никаких следов соответствующих сингулятивных образований.

2. *коукоуль* (ср. κοουκούλιον) – правильно определено как сущ. м.р., но как раз в единственной приведенной здесь цитате из Евх. (*женамъ коукоулю сънати*) явно отражена не отмеченная в словарях форма ж.р. *коукоула*.

3. *мврѣ*, -ы ж. и *мврѣ*, -а с. На первое место поставлена почему-то редкая форма ж. рода (ср. исходное греч. δβροη), представленная только в Маринском евангелии (всего два раза, ср. *мврѣ* в остальных памятниках – 49 примеров) и не сохранившаяся в церковнославянских памятниках.

4. Нет нужды реконструировать вслед за издателями Енинского апостола начальную форму *Ѧгарь*⁵ при реально зафиксированной в рукописи *Ѧгарь* (ср. 'Αγάρ). Греческие имена на -ар, -арος передавались в старославянском образованиями как на -арь, так и на -арь⁶. Форма *Ѧгарь* в древнейший период была, возможно, даже более распространена, чем *Ѧгарь*, судя по встречающимся в памятниках (Пятикнижие, "Слово о законе и благодати" Илариона, Толковая Палея и др.) примерам ее склонения по твердой разновидности: *Ѧгары, Ѧгарѣ, Ѧгарюу*, зв. *Ѧгароу*⁷.

5. Статья *топло нареч.* выведена на основании одной цитаты *слънце о нухъ вѣсна топло ако въ жатвѣ Супр.*, в которой *топло* является скорее прилагательным, а не наречием (ср. в греч. прил. θερμός): "солнце... теплое, словно в жатву".

Структура словарной статьи в основных чертах сохраняется в "Старославянском словаре" в том виде, в каком она была разработана для Slovník'a jaz. stsl.: восстанавливается заглавная форма слова, приводятся все встречающиеся в привлеченных источниках фонетические варианты слова, дается грамматическая помета, греческие или латинские соответствия, указывается русский и чешский перевод слова, в необходимых случаях его толкование, приводятся старославянские словосочетания, указывается число употреблений слова и перечень памятников, в которых оно зафиксировано, даются разнообразные отсылки.

Ценным является установление в словаре правил подачи греческих соответствий. Авторы обращают внимание на то, что редакция греческого текста, которая лежит в основе славянского перевода, нередко бывает нам неизвестна, и поэтому показательность используемого греческого текста всегда в определенной степени относительна. Подчеркивается, что для установления значений старославянских слов греческий текст служит не определяющим, а вспомогательным, косвенным источником. Одиноким отступлением от этого правила кажется определение значения слова *пѣтиць* как 'воробей, vrabec' – на основании чтения *отруѡѡи* в соответствующем Супр. греческом списке (который, хотя и доступен для сопоставления, но все же не адекватен греческому оригиналу текста). В других лишь немногим более поздних славянских текстах широко представлено исходное значение этого слова – 'птенец, детеныш'. Вряд ли стоило абстрагироваться от этого, лишь по случайности не отраженного в привлеченных памятниках исходного значения старославянского слова, тем более что собственно славянский текст (*младенци ѡко и птишти взираютьъ к тебѣ*) не дает безусловных оснований для его конкретизации.

Несмотря на то, что толкования старославянских слов имеют определенную традицию и специально разрабатывались для *Slovník'a jaz. stsl.*, в этой части старославянский материал остается наименее изученным. Развивая принципы, принятые в *Slovník'e jaz. stsl.* при толковании слов (см. *Slovník jaz. stsl. 2, XXXIX–XLI*), авторы "Старославянского словаря" многое сделали для их дальнейшей разработки, имея в виду, в частности, специфику синхронного лексикографического описания материала. Значения старославянских слов раскрываются там, где это возможно, посредством перевода на русский и чешский языки, в других случаях приводятся толкования. Успешно преодолеваются трудности, связанные с семантическим различием однокоренных или даже формально тождественных слов в старославянском, русском и чешском языках.

Ориентируясь на синхронное описание материала, авторы словаря в то же время сознавали, что последовательно синхронный подход приведет к изолированному представлению значений старославянских слов, зафиксированных только в классических рукописях, от обширных данных других, в том числе несомненно старославянских памятников, сохранившихся в более поздних списках. Для некоторых лексем это означало бы выведение частных значений без указания на связь с основными, и в конечном счете искажение реальных семантических отношений в самом старославянском. Для таких слов в словаре указывается на первом месте их основное значение, а далее – представленное в источнике переносное значение. Например: *дольнь*, -ни *прил.* ... нижний *dolní*; *перен.* земной *pozemský*. В отдельных случаях этот прием, к сожалению, не используется:

мимотеци толкуется по единственной цитате как 'утекать, течь мимо' без указания на его основное значение, случайно не представленное в классических старославянских рукописях, – 'проходить, пробегать, проноситься мимо' (ср. Срезневский I, 142). Без такого указания в словаре пропадает связь *мимотеци* с *теци* в знач. 2 'бежать'.

позокати переводится как 'склевать *sezobat'* без указания на общее значение слова 'съесть', ср. исходное *κατεσθῆειν*.

клепати представлено только по одному из вторичных значений: 'указывать', хотя в старославянском, оно, несомненно, значило в первую очередь 'бить, ударять' (Срезневский I, 1218).

В толковании отдельных слов, в особенности русской части, может быть отмечена недостаточная строгость, приближительность, неточность словоупотребления:

запати 'сбить с ног, повалить' – неверно уже по способности этого глагола управлять дательным падежом существительного: *аште възможецьъ запати вѣино равоу накивоу*. Ср. в чеш. правильно: *rozdrazit nohu*, т.е. 'поставить подножку, заставить споткнуться', также *перен.* При таком толковании не был бы утрачен параллелизм со значением приведенного выше глагола *запинаати* 'ставить препятствия, препятствовать, *перен.* обманывать'.

клатити качать, колебать *kývat, zmítat*. Правильнее: 'бить, колотить' (ср. Срезневский I, 1214) – с соответствующими коннотациями.

кыка, -ы ж *коцѣ* волос *vlas*. Правильнее: 'прядь, пучок волос' (см. ЭССЯ 13, 259).

лакомъ лацѣроуѣ жадный chtivý. Точнее: 'алчный, прожорливый, ненасытный'.

лъгъко нареч. легко, без трудностей (...). В качестве иллюстрации переносного употребления дано: ἀνετάς (! *вм.* ἀνεκτάς ?) *здесь* без оков bez okbŭ: повелѣтъ легко ихъ вести въ темнищѣ Супр. На самом деле здесь самостоятельное значение 'налегке' (ср. Срезневский I, 65); написание ἀνετάς – правильное образование от ἀνετός⁸.

лъжеименитъ и лъжеименьнъ – не просто 'ложный', а 'ложно именуемый или именующий' (ср. ψευδώνυμος).

подѣльникъ прѣреруоу представлено как 'добавление pŕidavek'. И прилогъ тоже определено как 'прибавка, прибавление, добавление pŕidavek, pŕidání'. Получается, что подѣльник и прилогъ в старославянском были тождественными словами. На самом деле, как явствует из этимологии слова и рукописных данных более позднего периода, подѣльник – это 'нетрудная работа, выполняемая после основной' (Ср. Срезневский II, 1075: 'дело побочное, неважное дело, поделье').

прѣвизлиха чрезмерно, излишне, слишком. Но как раз в приведенной цитате из Мк 7, 37 (прѣвизлиха дивлѣхъ са) – 'очень, весьма, чрезвычайно' (без негативного семантического элемента).

смокъва и смокы определяются по-чешски fig, а по-русски почему-то не 'фига, инжир', а описательно: 'плод смоковницы, винная ягода (? – А.М.)'.

спафаръ спаѣѣроуѣ оруженосец, вооруженный обоюдоострым мечом. Византийские термины – названия должностей (спафарий, протоспафарий, хартуларий и т.п.) в принципе не нуждаются в развернутом объяснении. К тому же спафарий – это не оруженосец (т.е. слуга, носивший за господином его оружие), а мечник – телохранитель, вооруженный мечом (ср. также протоспаферъ, проспафъ прѣтотспаѣроуѣ начальник мечников – собственно, протоспафарий).

Неточности в русских эквивалентах вызваны отчасти, кажется, влиянием чешского языка ср.:

млоти(и), -ниа овчина, плащ ovčí kůže, plášť (т.е. овечья шкура, овчина, кожих).

пазоуѣха 1. пазуха; грудь; охапка hrud', páručí. Слово "охапка" означает меру, некоторое количество предметов, и не является аналогом чеш. páručí, несмотря на наличие в русском языке фразеологического сочетания "(взять) в охапку".

Достоинством словаря является разветвленная система лексических отсылок. Они не только облегчают поиск нужного слова (даже если оно представлено в рукописи в искаженном виде), но и служат полезным инструментом лексического анализа. К сожалению, имеющиеся в издании отсылки не всегда последовательны. Например, в статье скълааъ даны отсылки к драгъма, златикъ, златица, мѣдъница, пѣнааъ, но почему-то не упомянуты ассарни, динаръ, лепга, статиръ, сьребрьникъ. В статьях драгъма, статиръ вообще нет отсылок; для остальных названий монет даны по двести отсылок, причем не соблюдается принцип взаимности. В некоторых случаях смысл отсылки неясен, например, в статьях кивотъ, ковъчегъ и кравин дана отсылка к скрижаля. В других случаях нет отсылок там, где они были бы нужны. В частности, отсутствие взаимных отсылок у слов даже и дожи создает ложное представление о принципиальном различии этих слов в старославянском (усугубляемое грамматическими пометами: дожи частица, но: даже (дажи) союз), между тем при расширении круга источников обнаруживается, что эти родственные этимологически слова вообще трудно разделить как формально, так и семантически (ЭССЯ 4, 181).

В конце словаря приложен полезный перечень "Основные пособия по грамматике старославянского языка", в котором, наверное, можно было бы отделить компилятивные учебные пособия от фундаментальных трудов А. Вайана, Н.С. Трубецкого, А.М. Селищева и др. В выходных данных встречаются неточности (учебник С.М. Кульбакина был издан в двух томах: 1-й – в 1916-м, 2-й – в 1917 г.). Не указано, что грамматика А. Лескина издавалась несколькими тиражами (впервые в 1871 г.), и не упомянут ее русский перевод с дополнениями по языку Остромирова евангелия, сделанный А.А. Шахматовым и В.Н. Щепкиным. Желательно было бы также дополнить этот

перечень аналогичными библиографическими рекомендациями в области старославянской лексикологии.

По понятным причинам, столь большое издание не свободно от некоторого количества опечаток, в частности: с. 186: ст. *девать* вм. *деватъ*; с. 292: слово *кравни*, *-ни* определено как *ж* вм. *и*; с. 298; Крескентия вм. Крискентия; с. 337 (ст. *мъшица*): *Золр.* вм. *Зогр.*; с. 568 (ст. *разгарати сѧ*): *разораться* вм. *разгораться*; с. 601: *сесь* определено как *межд.* вм. *мест.* и др. Обращаем на них внимание в уверенности, что "Старославянскому словарю" предстоит долгая жизнь в будущих изданиях.

Авторам словаря удалось выполнить весьма непростую задачу – соединить фундаментальность лексикологической подготовки материала с удобством и доступностью его лексикографической интерпретации. Словарь послужит полезным учебным пособием при изучении старославянского языка и, несомненно, будет способствовать решению кардинальных задач палеославистики.

Хочется от души поздравить авторов "Старославянского словаря" с успешным завершением их многолетнего труда и всех славистов – с ценным приобретением.

А.М. Молдован*

Примечания

¹ К сожалению, авторы не имели возможности включить в словарь материал сравнительно недавно обнаруженных старославянских рукописей, прежде всего второй части Синайской псалтыри (см.: *Tarnanidis I.C. The slavonic manuscripts discovered in 1975 at St. Catherine's Monastery on Mount Sinai. Thessaloniki, 1988*). Можно, впрочем, надеяться, что эта лакуна будет восполнена в его последующих изданиях, поскольку словарь предназначен для массового академического использования.

² Ср. не менее удачное в этом отношении название индекса Sadnik-Ajztzmüller, благодаря которому сохраняется адекватность названия содержанию словаря, несмотря на то, что после его выхода состав старославянских источников расширился за счет вновь открытых рукописей (Енинский апостол, Зографский и Боянский палимпсесты и др.).

³ Так и в Sadnik-Ajztzmüller (*radošta f. Freude*, 111) и в *Slovník'e jaz. stsl.* (33, 550); ср., однако, у Миклошича: "*радоща f.pl.*" (Miklosich, 769).

⁴ См. *Булаховський Л.А. Историчний коментарій до української літературної мови // Булаховський Л.А. Вибрані праці в п'яти томах. Т. 2. К., 1977, 298.*

⁵ *Мирчев К., Кодов Хр.* Енински апостол. Старобългарски паметник от XI век. София, 1965, 227.

⁶ *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. М., 1952, 140.

⁷ На основе приведенных форм косвенных падежей Миклошич реконструирует им. п. *Агара* (Miklosich, 2), не засвидетельствованную источниками. На самом деле позицию им. п. в этой парадигме занимала, очевидно, форма *Агаръ*.

⁸ Ср. *ἀνεπίκοβος* 'fit for relaxing, abading' (*Sophocles E.A. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods. Cambridge-Leipzig, 1914, 166*).

Г.А. Климов. Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков. М., 1994. 249 с.

Каждый, кому знакомо имя Г.А. Климова и известно, что этот ученый уже несколько десятилетий определенно имеет право решающего голоса в области кавказоведения (достаточно напомнить его труды: *Склонение в картвельских языках в сравнительно-историческом аспекте. М., 1962; Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964; Кавказские языки. М., 1965; Заимствованные числительные в общекартвельском?*

* © А.М. Молдован